

„честные мои родители! прошу вас, дайте мне честное и беспечальное свое благословение, чтоб мне утешить свою мысль! и молитесь о мне богу-отцу и сыну, дабы прияти от вас без слез благословение ваше!“ (л. 31, Сип. 200). Яропол Моафович просит родительского благословения на женитьбу: „пришед к отцу и матери и к деду своему агарянину, глагола, что: «мой вседрожанши родители! ныне вам есть обявити, како мне сыну своему! подумайте о прежнем моем деле, что и сами вы видели, а мне сия министерская дочь полюбилась, — аз поведаю вам истину свою, яко греха не знаю, — толко мне приидох по мысли!»“ (л. 30, Сип. 199).

Все эти особенности в характеристике героев — добронравие, послушание, благочестие — при отсутствии „отрицательных“ сторон объясняются, повидимому, стремлением автора подчеркнуть только добродетельный характер поступков своих героев-царей. В повести нет той социальной заостренности, которой отличаются почти все сказки с рассматриваемым сюжетом.

Как уже указывалось выше, сказочно-былинный сюжет не нашел в повести полного своего отражения. Отличен в повести от сказок и былин весь эпизод добывания невесты и рассказ о рождении сына. Так, Моаф с Агарем уезжают в некую страну Витавию и поступают на службу в качестве „работных людей“ (виночерпий — Яропол, „кухмистер“ — Агарь) сначала к царскому министру, а затем и к самому царю Адидору. Царь Адидор отдает Моафу в жены дочь свою за искусство последнего в игре на арфе и в танцах.

Эпизоды подобного рода встречаются в повести о Василии Златовласом (ПДП и Иск. СПб., 1882, XXXI) и в повести об Аполлонии, короле Тирском.

Царевич Василий Златовласый, под видом купца, приезжает в другую страну и своей необыкновенно искусной игрой на арфе привлекает к себе царевну, которая впоследствии становится его женой. Аполлоний Тирский, потерпевший кораблекрушение и спасенный рыбаком, попадает ко двору царя. Он так хорошо играл и плясал, что дочь короля полюбила его, неведомого ей человека, и вышла за него замуж. „Апполон взял гусли и почат играть велми вдячно, и плясать выборно... А как видѣла королевна плясание его и впало ей в сердце, и почела его велми любить“ („Римские деяния“, СПб., 1878, вып. 1, стр. 20).

Искусный музыкант во всех трех повестях — отражение сказочного мотива, и потому сходство между ними в данном эпизоде не может быть истолковано как результат влияния одной повести на другую.

Следя за развитием сказочного сюжета о покинутом сыне в повести о Ярополе, мы не можем не обратить внимания на отсутствие мотивировки событий в ряде случаев, отсутствие логической связи между излагаемыми фактами и явлениями. Перед читателем то и дело встают вопросы: почему? зачем? Так, например, неясно, зачем понадобилось царевичу Моафу скрыть свою принадлежность к царскому роду в царстве